

ТРЕТЬЯ ПОВОЛЖСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ОНОМАСТИКЕ

С 21 по 24 сентября 1971 г. в Уфе проходила третья Поволжская конференция по ономастике. В ее работе приняло участие 199 человек.

Пленарные заседания конференции открылись содержательным докладом заместителя председателя Башкирского филиала АН СССР Р. Г. Кузеева (Уфа) «Историческая стратификация башкирской родо-племенной этнонимии».

В. А. Никонов (Москва) в докладе «Актуальные процессы в антропонимии татар и башкир» впервые показал, какие глубокие массовые изменения происходят в именниках этих народов. Докладчик рассмотрел не отдельные имена, а движение именика в целом (например, вытеснение составных имен, становление грамматического рода имен, ранее не свойственного тюркским языкам).

Н. А. Баскаков (Москва) в докладе «Русские фамилии тюркского происхождения» говорил, что материалы ономастики помогают понять сложные процессы взаимодействия языков, а также являются источником для исследования контактов народов.

На конференции работало три секции: этнонимии, антропонимии, топонимии.

В. В. Пименов и В. В. Федоров (Москва) в докладе «Удмуртские и марийские названия народов Поволжья», заслушанном на секции «Этнонимия», показали, что этнонимы динамичны, изменчивы и в каждый данный момент неоднозначны. То же самое можно сказать об этнонимах прошлого; с этим необходимо считаться историкам и этнографам.

На секции «Антропонимия» было заслушано 24 доклада.

Все они отличались широтой тематики и разнообразием использованных источников: это и этнографические полевые и литературные материалы, и данные архивов загсов, башкирских шежере, словарей, личной переписки и др.

В сборе материала и анализе антропонимов участвовали сотрудники загсов различных районов Башкирской АССР и Казани. Некоторые из них представили содержательные доклады, другие выступали в прениях.

Многие исследования по антропонимии имеют не только научную, но и практическую ценность.

И. В. Большаков (отдел ЗАГС Совета Министров Татарской АССР) в докладе «Из практики выбора русских личных имен в городе Казани» дал анализ русских мужских и женских имен, зарегистрированных в Казани в 1960 и 1970 гг.

В сообщении Ф. М. Куприяновой (отдел ЗАГС Совета Министров Татарской АССР) «Выбор имен детям в национально-смешанных семьях» рассмотрены имена, данные новорожденным детям, происходящим из русско-татарских семей Казани за 1967 г. Материалы (474 имени) позволили Ф. М. Куприяновой сделать интересные, но пока лишь предварительные выводы.

Большое практическое значение имел и доклад К. З. Закирьянова (Уфа) «Транслитерация башкирских личных имен на русский язык». Автор отметил большой разницей в современной практике русского написания башкирских личных имен и сделал попытку установить правила русского написания башкирских личных имен на основе учета фонетической системы русского и башкирского языков.

С интересным сообщением «Три этапа в удмуртской антропонимии» выступил В. К. Кельмаков (Ижевск). Автор выделил в современной удмуртской антропонимии три неравных по объему пласта: наиболее древний, восходящий к апеллятивам удмуртского происхождения (они сохранились лишь в незначительном количестве как «вторые» имена или в корнях удмуртских фамилий); более значителен пласт тюркских имен, которые начали проникать в удмуртский именник после возникновения на Средней Волге государства булгар, а затем Казанского ханства; основу современного удмуртского именика составляют русские (христианские) имена, которые, как пред-

полагают, появились у удмуртов в XIV—XV вв. В настоящее время, отметил докладчик, большинство удмуртов пользуется русскими именами.

Р. Х. Субаева (Казань) построила свой доклад «Формирование общего антропонимического фонда в языках народов СССР» на материале русского и татарского языков. Тенденция развития общего именника свидетельствует о сближении и взаимообогащении языков народов СССР, о росте влияния русского языка, выполняющего функцию языка межнационального общения.

Некоторые исследователи занимались историей фамилий, отчеств.

В докладе Н. Ф. Мокшина (Саранск) «Происхождение фамилий у мордвы» показано, что основу большинства фамилий у мордвы составили мордовские дохристианские личные имена, русские дохристианские имена, ряд так называемых календарных имен, большей частью греческого происхождения (воспринятых также от русских по мере христианизации мордовского народа), некоторые домусульманские и мусульманские имена, главным образом тюрко-арабского происхождения.

В докладе А. М. Дербеневой (Саранск) «О тюркской именной основе некоторых фамилий мордвы» говорилось о том, что длительные этнокультурные связи мордвы с тюркоязычными народами привели к распространению среди мордвы ряда имен тюркского происхождения, составивших основу некоторых мордовских фамилий.

В интересном, обстоятельном докладе Г. Я. Симиной (Ленинград) «История отчеств» поставлен вопрос об источниках образования отчеств и способах их ограничения от других антропонимических категорий. На фоне исторически сложившейся формулы наименования человека, общей для всех русских говоров (имя+отчество+фамилия), были рассмотрены факты диалектного своеобразия. Отмечается частичное сохранение архаической системы имен (образование отчеств от имени хозяина двора) в отдаленных деревнях Пинежского района Архангельской области, прослеживается дальнейшая судьба подобных «отчеств».

Ряд докладов был посвящен неофициальным фамилиям и прозвищам (Г. А. Архипов, А. Г. Шайхуллов, Т. А. Исаева и др.).

В своем докладе «Неофициальные фамилии и прозвища мордвы» Т. П. Федянович (Москва) показала пока не освещенное в литературе явление широкого бытования у мордвы в сельской местности неофициальных фамилий и прозвищ, принципы их образования, попыталась вскрыть причины сосуществования систем официальных и неофициальных фамилий.

Споры вызвал доклад П. И. Визгалова (Казань) «Синонимия и вариантность диалектных прозвищ», в котором утверждалось, что синонимия и диалектность вариантных прозвищ имеют свои специфические особенности по сравнению с синонимией нарицательных имен.

С интересом были заслушаны участниками секции антропонимии доклады, сделанные на этнографическом материале. Н. В. Бикбулатов (Уфа) в своем сообщении «Антропонимы и термины родства» рассмотрел связь тюркской антропонимии с номенклатурой родства в двух аспектах: 1) взаимосвязь тюркских имен с существующей у того или иного народа системой родства; 2) генетическую связь отдельных антропонимов с терминами родства. Автор делает вывод, что неразрывная связь между системами родства и именами у тюркских народов обусловила то обстоятельство, что термины родства легли в основу ряда личных имен. Правда, такие имена довольно немногочисленны.

Ф. Ф. Илимбетов (Уфа) в докладе «Личные имена как источник при изучении древних верований башкир» анализирует происхождение башкирских личных имен с компонентами «буре» — «волк», «эт» — «собака» и «айну» — «медведь». Древнейший пласт таких имен, по мнению докладчика, связан с тотемистическими представлениями предков башкир. На основании полевых материалов сделана попытка локализовать районы происхождения и формирования тотемистических культов.

Доклад Т. П. Федянович (Москва) «Утрата имени новобрачной у мордвы» был посвящен интересному и своеобразному мордовскому свадебному обряду — наречения молодой невестки в семье мужа новым именем, который до сих пор бытует у мордвы-мокши. Этот обряд имеет давнее происхождение и ранее был характерен для всей мордвы. В настоящее время он является специфической чертой мокшанской свадебной обрядности.

Источником исследования Т. Х. Кусимовой (Уфа) «Антропонимы в башкирских шежере» послужили родословные башкирских родов, которые дают не только исторические сведения, но и представляют собой интересные памятники языка. Анализ древне-башкирских антропонимов шежере в сопоставлении с источниками других тюркских народов дает материал, который позволяет судить об этнических связях башкирского народа на определенном этапе его формирования. Структура антропонимов в башкирских шежере совпадает со структурой и способом образования древне-башкирских имен, а значит древнетюркских имен вообще.

Много различных проблем было поднято в докладах, заслушанных на секции «Топонимия».

Выступавшие, в частности, говорили об этимологии отдельных топонимов. В докладе И. Г. Добродомова (Москва) «Происхождение названия Астрахань» подтверждается этимология Ибн Батуты, который выводил этот топоним из сочетания титулов хаджи+тархан. Докладчик указал, что названия подобного рода часты в Во-

сточной Европе. В. И. Тагунова (Муром) в своем докладе «Происхождение названий городов Муром, Суздаль» выдвинула целый ряд возможных, но пока еще недостаточно научно обоснованных гипотез о значении этих названий.

Некоторые из выступавших сосредоточили внимание на топонимии регионов. Так, классификация названий селений по семантическим признакам была предложена В. Н. Белицер (Москва) в докладе «Названия селений в Коми АССР». Основную группу топонимов составили названия, связанные с антропонимией, а также названия, отражающие социально-экономические стороны жизни коми-крестьян.

В докладе Е. В. Ухмылиной (Горький) «Причина вариативности топонимов» на основании изучения топонимии Горьковской области выделены три вида причин, влияющих на появление вариантов топонимов. Во-первых, это исторические причины (наличие первоначальных народных и более поздних церковных названий селений, сочетание официальных иноязычных и неофициальных славянских названий, сочетание одних иноязычных топонимов). Во-вторых, в докладе показана зависимость происхождения вариантов названий от условий местности, приведены причины психологического характера. И наконец, Е. В. Ухмылина дала количественные характеристики появления вариантов топонимов в зависимости от времени заселения той или иной территории.

Г. П. Смолицкой (Москва) в докладе «Некоторые аспекты субстратной гидронимии бассейна реки Оки» выявлены ареалы окской субстратной гидронимии (названия рек), составлена их карта, дана типология гидронимов и их анализ. Ряд гидронимов входит в один ареал с гидронимами Русского Севера (на *-нга, -юга, -юг*), другие же являются «собственно окскими», они не зафиксированы на других территориях (на *-ур, -ор, -ар*). В первом ареале названия возникли вследствие миграций населения на Русский Север из бассейна Оки. Названия «собственно окского типа», по мнению автора, принадлежат к неизвестным языкам Поочья.

Часть докладов на конференции была посвящена малоизученному вопросу — хронологии топонимических пластов различных регионов. В докладе И. В. Власовой (Москва) «Ареалы топонимических формантов Северного Заволжья» с помощью картографирования рассматривалось распространение топонимов с формантами *-иха* и *-ата, -ята* в заволжских землях и показаны пути их проникновения в бассейн Северной Двины. Возникновение этих ареалов в междуречье Волги и Северной Двины объяснялось миграционными процессами в период русской колонизации этой территории, проходившей в разных местах этапами в течение XIV—XVIII вв.

В докладе В. А. Кучкина (Москва) «Некоторые вопросы исторической интерпретации топонимов на *-иха*» рассмотрена методика работ по картографированию топонимических ареалов. Анализируя русскую топонимию Нижегородского Заволжья по материалам писцовых книг XVI в., автор, вопреки взглядам И. В. Власовой и В. А. Никонова, пришел к выводу, что ареал топонимов на *-иха* в тех местах позднего происхождения (последняя четверть XVII—XVIII в.).

Доклады И. В. Власовой и В. А. Кучкина вызвали дискуссию. В. А. Никонов подчеркнул, что изучение соотношения топонимических напластований во времени чрезвычайно важно для понимания социально-исторических явлений. По вопросу о датировке топонимических пластов выступавшие разделились на две группы. Одни считают, что ареалы топонимов, в частности топонимов с формантом *-иха*, свидетельствуют о миграционных процессах в период русского заселения территорий (В. А. Никонов, Ю. Г. Вылежнев). Известны документы XIV—XVI вв., где топонимы на *-иха* зафиксированы на северо-востоке от Москвы. Другая часть выступавших говорила о влиянии явлений языка на распространение названий с формантом *-иха* (В. А. Кучкин, М. Н. Морозова, Г. П. Смолицкая). Ю. П. Чумакова (Уфа) не отрицала миграционного объяснения происхождения топонимии на *-иха*, но считает, что для решения подобных вопросов необходимо усилить внимание к проблемам лингвистики.

В. Ф. Барашков (Ульяновск) в докладе «Некоторые отдаленные параллели к гидронимам Среднего Поволжья» обратил внимание на необходимость широкого использования монголоязычных ономастических материалов при исследовании древней гидронимии Среднего Поволжья. По мнению автора, монгольская лексика может служить достаточно надежной основой для объяснения ряда древних гидронимов Среднего Поволжья.

Л. А. Тюменцева (Астрахань) в своем докладе «К стратиграфии топонимии Астраханской области» рассмотрела различные напластования топонимии астраханского региона (монголоязычные, тюркоязычные, ираноязычные, славяноязычные). Была сделана попытка выяснить условия формирования топонимической системы Нижнего Поволжья.

Доклад М. Н. Морозовой (Москва) «Неизменяемые топонимы как образующие основы в русском языке» показал, как широко в современном русском языке употребляются иноязычные неизменяемые топонимы, которые адаптируются и используются как образующие основы.

Еще одна группа докладов была посвящена теоретическим вопросам топонимии и методике изучения топонимического материала. Ю. Г. Вылежнев (Пермь) в докладе «О критериях разграничения микротопонимии, мезотопонимии и макротопонимии» критиковал введенные ранее в научный оборот определения А. В. Суперанской и В. Д. Беленькой. По его мнению, критерием определения микро-, мезо- и макротопонимов можно считать величину социального значения географического объекта,

удельный вес его в жизни общества, степень его известности. Раньше таким критерием считали физическую величину и размеры объектов. Докладчик полагает, что этот последний фактор влияет на определение топонимов, но преломляется через социальное значение и степень известности объектов.

Доклад Ю. Г. Вылежнева в соавторстве с группой студентов Пермского государственного университета Т. М. Григорьевой, З. А. Никитиной, Т. А. Щеткиной «Опыт расчета топонимических границ» посвящен вопросам методики обработки топонимического материала, определению его надежности. Авторы отдают предпочтение картографическому методу и обосновывают принципы определения топограниц при использовании картографических приемов обработки материала. К таким принципам они отнесли метод изолиний и метод картограммы. На примере расчета этими методами топограниц Пермской области было определено распространение ареалов топонимов с различными формантами и бесформантных (русских, финно-угорских, русифицированных), установлены первичные и вторичные напластования. По формантному анализу докладчиком удалось определить районы земледельческой и горнозаводской русской колонизации пермских земель.

Ряд докладов был посвящен особенностями топонимического словообразования. В сообщении Р. И. Тихоновой (Куйбышев) «Морфологическая структура топонимов» были выделены три группы топонимов Куйбышевской области. Анализ их семантики показал, что часть топонимов принадлежит к посессивному типу и связана с антропонимией, другая перенесена из тех мест, откуда шло заселение данной территории, третья определяется природными условиями района.

Доклад М. Ф. Хисматова и А. А. Камалова (Уфа) «О наименованиях и переименованиях топонимов Башкирской АССР» отразил современные процессы образования топонимов. Было подчеркнуто однообразие в наименованиях, приводящее к одноименности, показан удельный вес переименований в общем процессе наименования.

На заключительных заседаниях секций как положительный момент был отмечен историзм многих докладов, стремление к теоретическому осмыслению материала в сочетании с конкретными рекомендациями.

Было заслушано 30 тюркологических докладов и 16 докладов по финно-угорской ономастике.

Несколько докладов было посвящено иранской ономастике Поволжья. Следует, однако, сказать, что ираноязычные следы в топонимии Поволжья пока еще мало исследованы.

Подводя итоги, председатель Поволжских ономастических конференций В. А. Никсенов указал на необходимость анализа различных пластов тюркской топонимии Поволжья, на острые практические нужды антропонимических работ, на отставание таких разделов ономастики, как этнонимия, космонимия, зоономия, прагмонимия.

И. В. Власова, Т. П. Федянович

ВСЕСОЮЗНЫЙ СЕМИНАР-СОВЕЩАНИЕ РАБОТНИКОВ МУЗЕЕВ

С 25 по 29 мая 1971 г. в Риге и Даугавпилсе проходил семинар-совещание работников музеев страны, посвященный учету, хранению и научному описанию музейных фондов. В работе семинара, организованном Министерством культуры СССР и Министерством культуры Латвии, приняли участие 180 музейных работников. Это были преимущественно главные хранители и заведующие отделами учета и хранения.

С докладом «Состояние и задачи научно-фондовой работы музеев» выступила И. А. Анощенко (Министерство культуры СССР, Москва). Она подчеркнула, что музеи страны должны принять активное участие в пропаганде материалов XXIV съезда КПСС и 9-го пятилетнего плана. В последние годы, сказала И. А. Анощенко, активность и популярность наших музеев возросла. В 1965 г. их посетило 60 млн. человек, а в 1970 г. — 100 млн. За пятилетку открыто еще 135 музеев и к 1 января 1971 г. их насчитывалось уже 1122. Кроме того, в стране существует около 3 тыс. народных музеев. Ведется большая собирательская работа, ежегодно музейные фонды страны пополняются в среднем на 1 млн. единиц, из которых 50% характеризуют нашу современность. Однако экспонируется лишь 30% основных музейных фондов. Особо был отмечен положительный опыт работы народных музеев Эстонии и Украины. Часть своего выступления И. А. Анощенко посвятила недостаткам в работе хранилищ. Речь шла, прежде всего, об отсутствии картотек, перспективного планирования, научных описаний фондов и т. п. Лишь на 14% музейного фонда СССР имеются паспорта, фондовое оборудование в большинстве музеев устарело, температурно-влажностный режим не соблюдается. Далее было сообщено, что в 1972 г. будет проводиться смотр-конкурс массово-просветительской работы музеев, посвященный 50-летию образования СССР, и намечены основные задачи, стоящие перед советскими музеями: 1) шире развернуть деятельность музе-